

**Историко-методологические аспекты трансформации поведенческих трендов
экономических агентов**

Научный руководитель – Тутов Леонид Арнольдович

Седова Анастасия Константиновна

Выпускник (магистр)

Московский государственный институт международных отношений, Факультет
международного бизнеса и делового администрирования, Москва, Россия

E-mail: nastasia.konsta@gmail.com

Поведение экономических агентов детерминируется как внешними, так и внутренними аспектами. Однако, существуют поведенческие девиации, которые в меньшей степени определяются культурным контекстом и в большей степени нейропсихологическим контекстом. Такие поведенческие девиации в практически равной степени встречаются как в европейском и североамериканском сообществе, так и евразийском, азиатском сообществе. Такие поведенческие девиации, которые имеют экономическую подоплеку, не влияют на объективно наблюдаемые поведенческие тренды. Последние являются порождением культурного контекста жизнедеятельности общества и зависят от качества институциональной среды. Если институциональная среда, в которой взаимодействуют индивиды является развитой и создающей определенные стимулы, позитивно влияющие на регулярность поведения этих индивидов, то за счет сигналов сопряжения в совокупности формируется синергетический эффект, который будет выражаться в сохранении динамически стабильного социума и динамически устойчивого развития экономики.

Целью данного исследования выступает изучение особенностей трансформации поведенческих трендов экономических агентов (период конец XIX - начало XXI века). Для реализации данной цели были использованы общенаучные методы исследования, среди которых стоит выделить диалектический, исторический, сравнительно-описательный, системный анализ и синтез, индукция и дедукция.

Итак, в первой половине XXв. уровень демонстративного потребления в ранее развитых европейских экономиках был сведен минимуму. В США демонстративное потребление сохранилось, а после окончания Второй Мировой войны в США формируется полноценная экономика гедонизма, в то время как Германия, Франция, Великобритания и Россия формируют экономику предельного аскетизма. В европейских странах такая экономика продержалась порядка десяти первых послевоенных лет, сменившись высокими темпами экономического роста, обусловленными [1]: а) привлечением иностранных инвестиций в реальный сектор; б) стимулированием роста наукоемкости производств и интеллектуализацией труда; в) стимулированием эффективного внутреннего спроса (в соответствии с неокейнсианскими концепциями регулирования экономики); г) развитием социальной и образовательной сферы за счет перераспределения государственных доходов из экономики в социально-бытовой сектор.

Россия (СССР) была ориентирована на самодостаточность и самообеспечение, поэтому внешние границы страны были слабо проницаемыми, а внутренний рынок развивался не сбалансированно, социально-бытовой сектор финансировался по остаточному принципу. Ясно, что в послевоенной России не было и не могло быть частного предпринимательства, поэтому если в Европе формировались предпосылки для экономики явного, но аскетичного гедонизма, то в России формировались предпосылки для скрытого, но полного гедонизма, который получил свое полное и действительное проявление лишь в конце XX-начале XXIвв.

США и Европейский Союз (в границах ЕС-15) достигли пика в экономике гедонизма в 80-е гг. XXв., а с конца века становится очевиден понижающийся тренд и общий переход в экономику аскетичного гедонизма и экономику впечатлений. Япония, пройдя в свою очередь через пик экономики гедонизма лишь в конце XXв., быстро перешла к экономике аскетичных впечатлений, чему способствовали несколько факторов [3]: а) полная демилитаризация общества и экономики после Второй Мировой войны; б) быстрый переход от аграрной экономики в начале XXв. к индустриальной и высокотехнологичной экономике (в 60-70-е гг.) за счет массивных государственных и частных инвестиций в НИОКР; в) сохранение японского традиционализма в современном обществе за счет политики внутренней закрытости и обеспечение высокого уровня жизни за счет практически всеобщей предельной занятости и реализации концепции непрерывного образования для всего населения.

Индия и Китай оставались весьма неразвитыми в экономическом плане странами до последней четверти XXв. [4]. Поэтому здесь очень долго сохраняется поведенческий тренд вынужденного и предельного аскетизма основной части населения и демонстративного потребления в малых социальных группах. К началу 80-х гг. XXв. в Китае получила реализацию «Политика открытости и реформ», что позволило привлечь значительный объем иностранных инвестиций и технологий, потенцировавший опережающий рост внутреннего производства и быстрый выход на внешние рынки. Китайская продукция получила доступ не только в страны с развивающейся, но и развитой экономикой [3]. При этом социальные реформы в Китае практически не проводились, что делало население ответственным за свое будущее. Это обусловило высокий уровень производительности труда населения и еще более высокие темпы роста экономики гедонизма.

Индия же сохраняет аграрно-индустриальный статус [4], но при этом в экономике Индии преобладают обрабатывающие производства, достаточно развито приборостроение и мощный сектор ИТ-услуг и программного обеспечения. Индия, как и Китай, демонстрирует предельный гедонизм при сохранении социальной деструкции, но если в Китае не более 10% населения находится за чертой бедности, а уровень человеческого развития достаточно высокий, то в Индии порядка четверти населения за чертой бедности, а уровень человеческого развития средний. Китай и Индия, вероятно, в среднесрочной перспективе сохраняют экономику гедонизма, поскольку достаточно долгое время в этих странах доминировала экономика предельного аскетизма.

Арабские государства в целом демонстрируют средний уровень человеческого развития, но при этом в нефтяных монархиях этот показатель находится на высоком уровне, в остальных странах - на уровне низком и ниже среднего. Арабские государства долгое время оставались неразвитыми в экономическом плане, и основным источником экономического роста и по настоящее время, и на долгосрочную перспективу остается добыча и продажа углеводородного сырья [2]. Кочевая скотоводческая экономика, которая доминировала в арабских государствах до середины прошлого века, обусловила предельный аскетизм в поведении и потреблении большей части экономических агентов при одновременном селективном гедонизме. В настоящее время поведение и потребление экономических агентов арабских государств практически не изменилось, что обусловлено национально-культурными традициями, основанными на законах Шариата (для нефтяных монархий). В других арабских странах (Сирия, Ливия, Алжир) на фоне последствия «арабской весны» экономика стагнирует, основное население демонстрирует повышающийся миграционный тренд. При этом здесь также сохраняется селективный гедонизм в поведении экономических агентов и преобладающий аскетизм на фоне социально-экономической отсталости.

Исследование трансформации поведенческих трендов экономических агентов позволяет говорить о проявлении таких трендов, как 1) экономика аскетизма, в которой специфици-

ка потребления и поведения экономических агентов обусловлена внешними (институциональными) ограничениями либо внутренними ограничениями, 2) экономика гедонизма, в которой специфика потребления и поведения экономических агентов практически не имеет внешних или внутренних ограничений, поведенческо-потребительские стимулы в достаточной степени просты и основаны на механизмах традиционного маркетинга и 3) экономика впечатлений, в которой специфика потребления и поведения экономических агентов подвергается саморегуляции.

Источники и литература

- 1) Eichengreen B. Institutional prerequisites for economic growth: Europe after World War II // *European Economic Review*. 1994. Т. 38. №. 3-4. P. 883-890.
- 2) Schwarz R. The political economy of state-formation in the Arab Middle East: Rentier states, economic reform, and democratization // *Review of International Political Economy*. 2008. Т. 15. №. 4. P. 599-621.
- 3) Su B. et al. A review of the circular economy in China: moving from rhetoric to implementation // *Journal of Cleaner Production*. 2013. Т. 42. P. 215-227.
- 4) Winters A., Yusuf S. (ed.). *Dancing with giants: China, India, and the global economy*. The World Bank, 2007.
- 5) Yoshino N., Nakahigashi M. Economic effects of Infrastructure-Japan's experience after World War II // *JBic review*. 2000. Т. 3. №. 3. P. 3-19.